

Шмидт И.Я. Из далекого прошлого. (Поездка с А.П. Чеховым по Сибири) //
Наша газета (Ревель). 1927. 7 октября. № 166. С. 2; 8 октября. № 167. С. 2.

Н. Я. Шмидтъ.

Изъ далекого прошлого.

(Поведна съ А. П. Чеховымъ по Сибири).

Въ старости время походить на спускающийся съ горы автомобиль со стершимися тормозомъ. Дѣйствительно, мнѣ все кажется, что тѣ маленькія событія, о которыхъ я хочу рассказать читателямъ, происходили совсѣмъ недавно. Между тѣмъ они убѣжали назадъ почти на сотню лѣтъ.

Помню, я былъ молодымъ жизнерадостнымъ поручикомъ. Получивъ переводъ въ одинъ изъ восточно-сибирскихъ полковъ, я быстро собрался въ дорогу. Великій сибирскій путь въ то время по картѣ проложенъ былъ до Владивостока, на самомъ же дѣлѣ шелъ только до Екатеринбурга. Дальше, до Тюмени, нужно было двигаться по почтовому тракту на перекладныхъ. Въ Екатеринбургѣ мнѣ дали недурную тройку, на которой я благополучно доѣхалъ до первой почтовой станціи.

Войдя въ станціонное помѣщеніе, я увидѣлъ молодого человѣка, почти моего возраста, элегантной внѣшности. Онъ былъ одѣтъ въ сѣрый дорожный костюмъ. Новые темнокоричневой кожи чепъ оданы съ красивою отдѣлкой, туго набитый и аккуратно затянутый портфель, бинокль, фотографическій аппаратъ и лежавшая на столѣ толстая записная книжка заставляли предполагать въ немъ ученаго иностранца.

„Иностранецъ“ заговорилъ со мною первымъ. Взглянувъ на мои погонны, онъ сказалъ: „если не ошибаюсь, вы направляетесь на Хабаровскъ — въ такомъ случаѣ не хотите ли продолжать путешествіе вмѣстѣ? Меня зовутъ Антонъ Павловичъ Чеховъ“.

Я былъ и польщенъ и обрадованъ, ибо А. П. пользовался въ то время уже широкою извѣстностью. По порученію „Новаго Времени“ онъ ѣхалъ на Сахалинъ для изученія быта каторжниковъ.

На другой день, усѣвшись въ кошеву, мы тронулись въ путь.

Путешествіе по Сибири имѣетъ своеобразную прелесть зимою, когда по хорошему сибирскому пути сибирская тройка превращается дѣйствительно въ „тройку-птицу“. Но ѣхать по этой странѣ въ

распутицу — мало удовольствія. Мы испытывали это особенно на границѣ Енисейской губерніи, между станціями Козулька и Чернолѣсье. Здѣсь на протяженіи лѣзущаго верста дорога прорѣзывала глухую тайгу и представляла собою покачнутою по обѣ стороны гать. Ямщики должны были вести тройку такъ, чтобы коренники все время шель по серединѣ дороги, иначе оба полоза попадали на одинъ скатъ и слѣдовала катастрофа.

Первая изъ нихъ случилась въ полуверстѣ отъ станціи. Кошева сползла и опрокинулась на сторону Чехова, причѣмъ я перелетѣлъ черезъ голову моего спутника и прижалъ его своею особой. Мы съ трудомъ общими усилиями подняли тяжелую кошеву, вытащили изъ мокраго, перебитаннаго съ грязью снѣга багажъ и тронулись дальше. Спустя короткое время кошева опрокинулась на мою сторону. Чеховъ навалился и запуталъ меня въ свою доху. Этотъ реваншъ однако не утѣшилъ его. Онъ нашель, что „хрѣвъ рѣдки не слаще“.

Нашъ восемнадцатичасовой переѣздъ по знаменитому козульскому сооруженію Чеховъ тогда же описалъ въ „Н. В.“, говоря, что причинилъ нѣкоторыя неудобности мѣстной администраціи.

Немного удобнѣе представлялось въ то время мѣсто отдыха. Почтовая станція состояла изъ сѣней и небольшой комнаты съ двумя столами и кожанымъ диваномъ. Пассажиры сидѣли обычно на полу, на разосланномъ снѣгѣ а умились на дворѣ у колодца.

Зато каждая станція имѣла свой, по выраженію Чехова „юмористическій журналъ“ въ видѣ „жалобной книги“. Утомленные дорожною и изнеурочивавшіеся путешественники заносили въ нее свои жалобы часто въ весьма образныхъ выраженіяхъ: „теперь въ третій разъ говорить, что нѣтъ лошадей, — вретъ чертова кукла“, „на этой станціи проклятые клопы чуть не отгрызли мнѣ...“ и т. д. Наиболѣе характерные изъ такихъ жалобъ Чеховъ заносилъ въ особый отдѣлъ своей записной книжки, который онъ называлъ „копилкою курьезовъ“.

Послѣ долгихъ мытарствъ по почтовому тракту мы добрались до Тюмени, гдѣ пересѣли на старенькій, и довольно чистый Любимовскій пароходъ.

Былъ май, но Тобольскъ еще не совсѣмъ очистился отъ льда. Мы плыли медленно и съ опаскою. Въ числѣ пассажировъ находился степной генералъ — губернаторъ Таубе съ семьей. Онъ заходилъ познакомиться съ Чеховымъ, но ихъ бесѣда вышла краткой и официальной.

На пароходѣ плыло еще нѣсколько казанскихъ студентовъ, перебивавшихся въ Томскій университетъ. Съ ними у насъ быстро завязались самыя дружескія отношенія. По вечерамъ, сидя на кормѣ, мы если несовсѣмъ стройно, то громко огащали пустынные берега Тобола любимой студенческой — „Волга, Волга, весной многоводной...“

Въ Тобольскѣ на пристани губернатора встрѣчала большая толпа. Полиціймейстеръ, подойдя къ генералу отапортовалъ: „Ваше Превосходительство, въ городѣ никакихъ происшествій не случилось; только ученикъ гимназіи N, гонимый голубѣй, упалъ съ соборной колокольни и убился насмерть“...

Среди публики послышались смѣшки, но Таубе умѣло поправилъ неловкость полиціймейстера, снявъ шляпу и перекрестясь на соборъ.

Въ Тобольскѣ Чеховъ заинтересовался издѣліями изъ мамонтовой кости и купилъ много бездѣлушекъ.

На томъ же Любимовскомъ пароходѣ мы доплыли до Томска. Въ это время Томскъ со своими широкими немощеными улицами, съ плавшими, точно кланьями, хуторами, керосиновымъ освѣщеніемъ и малограмотными вывѣсками ничѣмъ не отличался отъ остальныхъ сибирскихъ городовъ. Хотя онъ назывался уже университетскимъ городомъ, но университетъ состоялъ пока изъ двухъ факультетовъ. Знанія же для другихъ еще строились, и обширная университетская площадь была завалена строительнымъ матеріаломъ.

Мѣстная газета сообщила о прибытіи Чехова. Съ этого дня въ нашъ скромный гостиничный номеръ начали приходиться посѣтителі — редакторъ газеты со своими сотрудниками, ссыльные литераторы, университетскій персоналъ и почтители Чехова. Его чествовали нарасхватъ.

Пришелъ къ Чехову также нѣкій Долгоруковъ, плотный мужчина большого роста съ густыми волосами до плечъ и тамъ, держа съ обѣихъ сторонъ на раз-

протоіаконовскіи басомъ. Онъ поднесъ А. П., а за одно и мнѣ по тому своимъ стихотвореніямъ и пригласилъ насъ къ обѣду.

Долгоруковъ жилъ на большомъ, богато обставленномъ особнякѣ. Сервировка стола и обѣда были изысканными. Но мѣсто хозяйки оставалось почему-то не занятымъ. О семейной жизни Долгорукова и о его прошломъ говорили разное. Самъ онъ называлъ себя политическимъ, но эти языки утверждали, что съ полала въ ссылку за то, что въ свое время ухитрился задержать дворецъ московскаго генерала губернатора.

Отъ Томска до Иркутска мы ѣхали на такъ называемыхъ „дружкахъ“. Дружками назывались ямщики крестьяне, везшіе на собственныхъ тройкахъ за тѣ же прогоны. Часто „дружка“ везъ безъ пересадки и перепрыжки перегона три, т. е. отъ семидесяти до восьмидесяти верстъ и доставлялъ пассажира прямо къ своему куму. У кума же, заслышавъ знакомые колокольцы, хозяйка дома снимала съ полки ярко начищенный самоваръ, накрывала столъ чистою скатертью и устанавливала всевозможными сибирскими яствами, первое мѣсто среди которыхъ занимали шанги. Путешественниковъ принимали, какъ гостей, при чемъ хозяева обычно отказывались отъ платы.

Чехову очень нравилась ѣзда на дружкахъ. Онъ угощалъ дѣтей конфетами и пряниками, а взрослыхъ подкупалъ своими непринужденными бесѣдами, главнымъ образомъ, о волнованной тогда всѣхъ сибиряковъ желѣзной дорогѣ. Мнѣ въ первый разъ приходилось слышать русскаго интеллигента, который такъ просто и ясно говорилъ съ крестьянами своимъ собственнымъ языкомъ, не прибѣгая къ приторной поддѣлкѣ подъ языкъ и понятія мужика.

Въ Колывани А. П. навѣстилъ своего ссыльнаго товарища по московскому университету. Тотъ жилъ въ небольшомъ опрятномъ домикѣ. Къ нему недавно приѣхала изъ Россіи жена съ ребенкомъ. Послѣ обѣда хозяинъ повелъ насъ на большой дворъ и показалъ только что купленнаго коня. Онъ заплатилъ за него неправдоподобную по нынѣшнимъ временамъ цѣну — пять рублей!

Чеховъ вздумалъ испробовать лошадь. Несмотря на отговоры хозяина, онъ настоялъ на своемъ. Лошадь заложилъ въ тележку и, по сибирскому обыкновению, двое работниковъ подвели ее къ воротамъ, держа съ обѣихъ сторонъ на раз-

вязкѣ. Антонъ Павловичъ сѣлъ и подобралъ вошки.

Слегка поблѣднѣвшій хозяинъ едва успѣлъ крикнуть ему — „держи крѣпче... не сворачивай въ сторону...“ — какъ случившаяся съ развязки лошадь рванулась впередъ. Чеховъ хотѣлъ повернуть за церковь къ площади, но лошадь, мотнувъ головою, понеслась за городъ по тракту и скрылась въ облакѣ пыли...

Часа полтора провели мы въ томительной тревогѣ, когда наконецъ почти тѣмъ же ходомъ А. П. примчался къ дому, чудомъ проскочивъ въ ворота и, какъ пуля, подлетѣвъ къ конюшнѣ.

У самой конюшни лошадь круто уперлась передними ногами и, подбравъ крупъ подъ себя, сѣла на землю между задыбавшимися оглоблями. Высоко подпрыгнувшая задкомъ тележка едва не покрыла и Чехова и лошадь. Но все обошлось благополучно. Подбѣжавшіе работники принесли едва покрывшагося испариною коня, который, дрожа отъ волненія, гордо поводилъ своими дико красивыми глазами.

„Экій дьяволъ, прости Господи, сказалъ Чеховъ — выглядит какъ козель, а претъ, какъ машина!“ И, довольный собою, онъ ласково потрепалъ коня по шеѣ.

Слѣдующимъ попутнымъ городомъ былъ Красноярскъ, но мы миновали его.

За Красноярскомъ страна стала еще пустыньѣ. Только изрѣдка попадались настрѣчу „варнаки“, т. е. одинокіе бродяги, бѣжавшіе изъ Нерчинска или Усть-Кара и кравшіеся, подбирая Христовымъ именемъ, въ Россію.

Была уже вторая половина іюня, когда истомленные жарамъ и пылью, мы увидѣли наконецъ кресты иркутскихъ колоколенъ. Паромъ перевезъ насъ черезъ широкую, кристально-чистую Ангору и мы остановились въ „Амурскомъ подворьѣ“.

Въ тотъ же вечеръ, отправившись въ „Бани Курбатова“, мы, вмѣсто предполагаемой дымной лачуги, попали къ нашему изумленію, въ элитный электрическій саѣтомъ дворецъ съ мраморными ваннами и особой комнатою для ожидающихъ съ мягкой мебелью, коврами, журналами и газетами...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. Я. Шмидтъ.

Н. Я. Шендурь.

Изъ далекого прошлого.

(Поэма с А. П. Чеховым по Сибири).

(Окончание).

В Иркутск Чехов пришел оставаться на два недели и привнес в порядки свои путевые записки. Мы саяли в "Подворье" два комнаты. Одна из них служила нам общей спальней, другая — кабинетом Чехова и его приемной.

В той приемной у А. П. пребывало еще больше народу, чем в Томске, и обитать мнѣ было много жарче. Помню однажды у А. П. собралось человек двенадцать местной интеллигенции. Тут были и молодые люди и почтенные старики. Все они жаловались на скуку и безосмысленность иркутской жизни и вздыхали по Москве и Петербургу. Всегда спокойный и корректный, Чехов на этот раз не выдержал.

— Я не понимаю вас, господа, — сказал он, у нас тут так ширь, такое приволье, такое изобилие благ, что если бы вы вразумили хоть чуточку энергии и самостоятельности, то могли бы создать великий рай.

— Научите, с чего начать? — изумленно спросил какой то господин из общества.

— Да хотя бы с создания общества борьбы со скукой...

Изъ счастливый, устроенный Чехову, самое шумное было из Кузнецкого клуба. Самыми же приятными для молодого писателя знаками внимания были, если сказать по секрету, те, которые оказывались его юными почитателями. Это были улыбки, букетики цветов, а иногда и записочки из них записки. Эти подношения дались обычно во время прогулок по мѣстному "Нескому проспекту", т. е. по Большой улице.

За подношениями слѣдовало знакомство и визиты въ дома. Знакомства повели къ тому, что двухнедельный срок

оказался малым. Мы задержались в Иркутске еще несколько дней. Когда мы, наконец, сложили голову поспалили на почтовых въ село Лиственниково, откуда должны были переправиться на другой берег Байкальского озера, пароход исчез изъ виду. В ожидании новой okazji мы поместились въ крестьянской избѣ и начали придумывать, чем бы заняться отъ скуки.

Стоял июль мѣсяц. Жара была нестерпимая. Насъ потянуло на пристани, остававшуюся посре́дѣ отбитыя парохода какъ бы пустышкой, какъ и берега Байкала.

Воспѣное каторжанами "Синее море-грозный Байкал" было изумительно величественно и красиво. Спокойное и гладкое, какъ зеркало, оно ослѣпительно блестяло подъ яркими лучами солнца. Обступившая его со всѣхъ сторонъ отвѣсная гора, закрывавшая издали изъ голубой дымки, думала свои вѣчные думы.

Стоя на пристани, я посматрѣлъ вниз и былъ пораженъ прелестью воды. Казалось, что это не вода, а улиточный пузырь. При большой глубинѣ покрытие мелкими камешками дна чудилось самымъ уютнымъ вѣчно-зеленымъ ландшафтомъ.

Мы рѣшили выкупаться. Будучи отчаяннымъ плавающимъ, я хотѣлъ похвастаться передъ Чеховымъ тою бы этими, длиннымъ мѣдью, талантикомъ.

Быстро раздѣвшись, я бросился съ пристани внизъ головою съ намерѣниемъ захватить со дна и преподнести Чехову полную горсть драгоценныхъ камней. Но въ то же мгновение я почувствовалъ, что погружаюсь въ какуюто предательскую жидкость, состоящую изъ неэлектризованныхъ иголокъ, мгновенно вонзавшихся въ мое тѣло и мозгъ.

Насквозь пропитанный огненнымъ хо-

лодомъ, я, какъ пробка, вынырнулъ на поверхность и стремительно поплылъ къ берегу, во все горло крича Антону Павловичу — не бросайтесь въ воду! — Я быстро выкарабкался на берегъ и сбѣгъ на камень въ полномъ ошумѣнии.

Подходящая къ пристани баба закричала со свѣжомъ: — ну и скѣлижъ же ты, баринъ! — У насъ во всемъ селѣ только и былъ одинъ такой, что купался въ озере, да и тогъ давно померъ отъ простуды!

Зубоскальство бабы заразило Чехова. Флегматичный вѣсивъ в свои несымарины, онъ настолько изрекъ: — "Чтожъ, Иванъ Яковлевичъ, оно и впрямь выходитъ такъ, что не спросишь броду!"

На другой день подошла какой то маленький скрипули пароходикъ и мы благополучно переехали черезъ Байкалъ къ поселку Мышанскому.

Въ Забайкальѣ намъ сообщили, что пароходъ изъ Срегенска отплылъ черезъ пять дней и что мы сможемъ поплыть на него только скача туда непрерывно дни и ночи.

Насъ это не испугало и мы помчались въ путь. Счастливо-благоприятствовало намъ. Сухая, каменистая дорога была гладка, какъ паркетъ. На станцияхъ мы находили уже готовые тройки, а ямщики, поощряемые хорошими часеми, вели насъ точно на свадьбу.

Онажды нашъ ямщикъ, веселушый дѣтской парней, видимо не изъ хитрого десятка, получилъ отъ Чехова палатку, аверсѣю лошадей на шагъ, повернувшись намъ въ корпункомъ и началъ:

— Вѣрите, господа, или не вѣрите, а на мѣднѣ я вѣзъ самого чорта... Вотъ въ этомъ самомъ перелѣстѣ (амшу) я, какъ говорятъ люди на разные голоса... У меня волосъ сталъ льбомъ, а онъ, т. е. мой пассажиръ, еще чужасть! Смотрите, говорите, ямщикъ, что это тамъ за люди, ужъ не разбойники ли?

Только прѣбывали мы это поганое мѣсто, а онъ снова ко мнѣ: давай, закупила будешь! — Вынулъ хлѣбъ и мясо. "Нѣтъ, да, говорите, у тебя можника хлѣбъ разрыхлять?" Я ему и далъ; и онъ взялъ, пожегъ, да и запылилъ себѣ въ ротъ, и вотъ жъ Христосъ, проглотилъ! Мнѣ и можника не жалъ, только думаю померъ

онъ теперь, а какъ же я доставлю на станцію мертвѣго пассажира? Вѣдь отвѣчать будешь! А онъ умѣваетъ... да ты говоришь, посмотри у себя похоть... Я присталъ, глазу, тутъ и можъ лежати! Вотъ съ какою нечистою силою пришло мнѣ связаться...

Мы отъ души похотѣли надъ парнемъ, принявшимъ за чорта знаменитаго въ то время фокусника и чревовѣвателя Югана Штрауса, который одновременно съ нами былъ въ Иркутскѣ и дѣлалъ тамъ свои представления. Онъ выскочилъ оттуда раньше насъ и теперь мы случайно попали на его сѣданъ.

Мы примчались къ Срегенской пристани, когда подали быть уже третій тудокъ. Молодые матросы подхватили нашъ багажъ, перекинули на палубу и подняли сходни. По ихъ крику "готово!" пароходъ зашумѣлъ колесами и началъ отдѣляться отъ пристани.

"Ну — салазъ Бугъ" — вздохнулъ Чеховъ, размысливъ по своему потному лицу туюто слѣдъ мысли и становясь похожимъ на зебру.

На другое утро, встрѣтивъ съ Чеховымъ на палубѣ, я почти не узналъ его. Сѣрый и бордый, онъ одѣтъ былъ въ чеховскую коричневую пиджаму съ шелковыми отворотами и обшлагами.

Къ завтраку онъ вышелъ въ элегантный костюмъ изъ блѣлой фланели и въ модномъ сиреневомъ галстукѣ. Къ обѣду — въ smokingъ.

На слѣдующій день новая трансформация.

Эти кокетливыя переодѣвания объяснялись иркутскими на пароходѣ группами модельныхъ барышень, только что окончившихъ Иркутскій институтъ. Онѣ ждали подъ приморскимъ матеріею одной изъ нихъ, строгой и толпой дамы. Имя Чехова сейчасъ же открыло доступъ къ сердцу, и съ этого времени на пароходѣ стало шумно и весело.

Особенно памятнымъ для пассажировъ былъ тотъ вечеръ, когда молодой писатель самъ прочелъ нѣсколько своихъ маленькихъ рассказовъ.

Въ этотъ день онъ окончательно скрутилъ голову стройной и коротенькой Ф. Изъ взысканія синицы оказалась на пароходѣ секретомъ Полюшница.

Я позвалъ себѣ однажды шумъ съзачъ Чехову, что было бы съобщить не близкому съ его стороны, отправляясь на Саяны, чтобы изучать бытъ каторжанъ, наложивъ по дорогѣ на себя узы Гименей.

— Не могу, — отбѣдѣть онъ, — у меня въ Москвѣ уже есть нѣмѣста.

Затѣмъ, помолчавъ немного, онъ страшнымъ голосомъ, точно думалъ вслухъ, добавилъ: — "только прѣдъ днѣ я буду съ нею счастливъ — она слишкомъ красива..."

Историческию скучною по широкой глади Амгура, среди живописныхъ береговъ этой могущественной рѣки, пароходъ бросилъ якорь у Зейской пристани. Зѣвъ Чехова, какъ врачъ, пригласили къ большому застою-прощенью. Возвратясь на пароходъ и вынувъ изъ букашкина за утѣло полученную имъ стурбуемую бумажку, онъ пошутливъ: "если такъ пойдетъ и дальше, то скоро мои товарищи превзойдутъ Захарьича!"

Въ Благовѣщенскѣ мы распростались съ нашими юными спутниками, а по прибытѣ въ Хабаровскъ я долженъ былъ расстаться и съ Антономъ Павловичемъ. Мой путь лежалъ дальше на юго-востокъ къ пустыннымъ берегамъ Тихого океана, гдѣ я готовился стать на якорь на долгие, долгие годы. Чеховъ же поплывъ дальше къ устью Амгура.

Прощаясь съ посланными мнѣ судьбою столь необычными спутниками, я почувствовалъ въ груди острую боль, точно уронивъ въ море лучшую и любимѣйшую изъ драгоценностей. Мнѣ было бесконечно жалъ такъ много, но быстро промелькнувшихъ дней, которые я проведу въ обществѣ этого очаровательнаго человека.

Моя грусть была столь глубока и искренна, что даже теперь, когда я вспоминаю свою встрѣчу съ А. П. Чеховымъ, мнѣ кажется, что и все еще молодъ и что мой незбывчивый спутникъ по Сибири ушелъ только на Саяны...

Н. Я. Шендурь.